

Адыгезалова Гюльназ Эльдаровна

доктор юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой конституционного
и муниципального права, профессор кафедры
теории и истории государства и права
Кубанского государственного университета

**ПРЕЗУМПЦИЯ ВИНОВНОСТИ
ИМУЩИХ И НЕВИНОВНОСТИ
НЕИМУЩИХ С ПОЗИЦИИ
РЕВОЛЮЦИОННОГО
ПРАВОСОЗНАНИЯ
В РУКОВОДЯЩИХ
НАЧАЛАХ ПО УГОЛОВНОМУ
ПРАВУ РСФСР 1919 Г.**

Аннотация:

В статье анализируются подходы авторов Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г. к праву, а также его основной цели и задачам. Отмечается наличие в акте не только уголовно-правовых норм, но и норм конституционно-правового и уголовно-процессуального характера. Из содержания данного памятника права можно сделать вывод об опосредованном провозглашении принципа невиновности для трудящихся и принципа виновности для угнетающего класса (буржуазии и помещиков), которые стали результатом внедрения в правовую систему общеправового принципа революционной законности. Теоретической основой закрепленных в Руководящих началах правовых принципов стал социологический подход к праву, который позволял в переходный период формировать новое право, ориентированное на интересы революционных групп общества. Не вызывает сомнения, что отношение к праву как к продукту общества на ранних этапах формирования советского государства способствовало совершенствованию правовой системы, ее развитию и переходу на новый уровень.

Ключевые слова:

право, презумпция невиновности, презумпция виновности, мера наказания, революционная законность, революционное правосознание, целесообразность, социологическое правопонимание, узко-нормативный подход, принцип права.

Adygezalova Gyulnaz Eldarovna

LL.D, Head of the Department of Constitutional
and Municipal Law, Professor of the Department
of Theory and History of the State and Law,
Kuban State University

**PRESUMPTION OF GUILT
OF THE PROPERTY CLASS
AND PRESUMPTION OF INNOCENCE
OF THE LABOR CLASS ACCORDING
TO THE REVOLUTIONARY LEGAL
CONSCIOUSNESS IN
THE GUIDELINES OF CRIMINAL LAW
OF THE RSFSR OF 1919**

Summary:

The paper analyzes the approaches to the law of the authors of the Guidelines of the Criminal law of the RSFSR of 1919 as well as its main objectives and tasks. It is noted that the act contains not only criminal law rules, but also constitutional and criminal procedural norms. From the contents of this monument of law, we can conclude that the presumption of innocence of the labor class and the presumption of guilt of the oppressing class (the bourgeoisie and landowners), which were the result of the introduction of the general principle of revolutionary law into the legal system, are indirectly proclaimed. The theoretical basis for the legal principles enshrined in the Guidelines was the sociological approach to law, which allowed to form a new law oriented towards the interests of the revolutionary groups of society in the transition period. There is no doubt that the attitude to law as a product of society in the early stages of the formation of the Soviet state contributed to the improvement of the legal system, its development and transition to a new level.

Keywords:

law, presumption of innocence, presumption of guilt, degree of punishment, revolutionary legality, revolutionary legal consciousness, expediency, sociological legal awareness, narrow-regulatory approach, principle of law.

Революционное законодательство, согласно промежуточным нормам права, было направлено на слом так называемого буржуазного права, то есть системы норм, обеспечивающих интересы господствующего класса. Вопрос о необходимости обеспечения баланса интересов в государстве, который являлся центральным для социологов права (Р. Иеринга и Р. Паунда) [1], не обошли стороной и авторы нового права. Так, в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. отмечается, что буржуазные законы организованной силой поддерживали равновесие интересов общественных классов, но делалось это «в угоду господствующим классам (буржуазии и помещиков)» [2].

Указанный акт категорично утверждал невозможность приспособления прежнего права к целям нового государства. При этом новое право, рождаемое изначально случайно, бессистемно, в дальнейшем должно стать результатом спланированной, общей и систематизированной работы. Одним из результатов обобщения стали Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г., призванные закрепить исходные принципы и базовые понятия уголовного права. Однако отсутствие четкой дифференциации норм и усовершенствованной юридической техники

естественным образом привели к тому, что была затронута сфера уголовно-процессуального права, кроме того из смысла ряда уголовно-правовых норм неизбежны были выводы уголовно-процессуального характера.

Называя государство организацией насилия, а право – функцией такого государства, нормы провозглашают установление диктатуры пролетариата как переходного периода на пути уничтожения государства и права. Фундаментальные положения уголовного и уголовно-процессуального права призваны обеспечить стабильность в период диктатуры пролетариата (переходный от капитализма к коммунизму). Этим, без сомнения, обусловлено и утверждение принципов революционной законности и целесообразности, точкой опоры для которых служит революционное правосознание.

Утверждение принципа законности в революционный период в России имело специфические особенности. Новый этап в развитии государства определил необходимость разрешения ряда важнейших проблем, среди которых были вопросы нормативного регулирования нового строя, появления новых источников права, повышения уровня юридической техники.

В условиях гражданской войны и разрушения государственного строя, развивалось состояние аномии, право утрачивало свою регулирующую силу. Общество и государство нуждались в установлении основы для формирования нового права, которое позволило бы одновременно поддерживать революционное движение и способствовать ориентации масс трудящихся на дальнейшие действия по разрушению прежних устоев (социальных, политических, государственных, экономических). Такой основой стала идея законности, которую в условиях переходного периода и военных действий реализовать надлежащим образом было невозможно, поэтому в правовой доктрине и в революционном праве укрепился принцип революционного правосознания.

В 1917–1918 гг. роль источника права играло революционное правосознание. Так как практика и «революционное мировоззрение трудящихся масс» в то время еще не могли принимать форму определенных законов, а старое законодательство было неприемлемым для нового строя, революционное правосознание оставалось практически единственным источником права.

В этот период принимались декреты о суде, в каждом из которых так или иначе интерпретировалось понятие революционного правосознания. Так, в ст. 5 Декрета о суде № 1 (1917 г.) говорилось о «революционной совести» и о «революционном правосознании» как о синонимах. В ст. 36 Декрета о суде № 2 (1918 г.) упоминается «социалистическое правосознание», а в ст. 22 Декрета о суде № 3 (1918 г.) – «социалистическая совесть». Уже на данном этапе делалась попытка разграничить категории «революционная совесть» и «революционное правосознание». Первая означала субъективную способность осознавать и применять революционное правосознание, вторая – объективное содержание права.

С переходом к новой экономической политике 1921 г. (НЭП) развернулась очередная дискуссия по вопросу о революционной законности в ее отношении к экономике переходного периода. Под революционной законностью стали понимать тот правопорядок, который признавался верховными органами пролетарской диктатуры целесообразным и общеобязательным.

Провозглашение принципа революционной законности, с одной стороны, позволяло влиять на народ, который должен был верить в справедливость новой власти и в установление в ближайшем будущем не только социальной справедливости, но и правопорядка. С другой стороны, политические силы оставляли за собой право оценивать все социальные действия, поведение граждан с точки зрения своих политических и экономических интересов, революционных идей.

Интересен тот факт, что при определении понятия права авторы Руководящих начал, подписанных заместителем комиссара юстиции П.И. Стучкой, дают отнюдь не позитивистское определение данному понятию. Этот узконормативный подход они используют во введении для определения буржуазного права как системы норм (правил и формул) [3]. Здесь прослеживается влияние социологической школы права. Например, М.Ю. Козловский, участвовавший в разработке проекта Руководящих начал и испытывавший влияние своего учителя М.В. Духовского, стремился не просто определить классовую сущность права, а связать причины преступности непосредственно с обществом, рассматривать преступление прежде всего как социальное явление. Тяготение М.Ю. Козловского к социолого-правовым идеям наглядно отражается в его работах, где он, рассуждая о зарубежных правовых теориях, отмечает, что «все эти “теории” в лучшем случае определяют право как совокупность норм, принудительно регулирующих человеческие отношения; в худшем – как нормы, охраняющие “свободу”» [4]. В то же время Р. Иеринга он называет выдающимся буржуазным ученым за его утверждение о том, что «право служит защите интересов силой», а «право революции» выступает на сцену взамен писаного права, когда последнее не удовлетворяет нуждам народа [5].

Вопреки позитивистской трактовке, право, согласно Руководящим началам, является негативным явлением, подлежащим уничтожению в будущем, и представляет собой систему (порядок) общественных отношений, «соответствующую интересам господствующего класса и охраняемую организованной его силой» [6]. При этом для нового права, порожденного революцией, под господствующим классом уже понимаются трудящиеся массы. Баланс интересов, следуя идеям диктатуры пролетариата и революционного правосознания, воспринимался как обеспечение интересов трудящихся, так как до революции был допущен серьезный перекос в сторону потребностей буржуазии и помещиков.

Указанное наглядно иллюстрирует то, что авторы широко определяли право, подобно сторонникам широкого подхода к правопониманию и социологам права, они рассматривали его через призму правоотношений. Это может означать прежде всего то, что центральное место отводилось не «бумажным» нормам, а «живому» праву, то есть непосредственно процессу реализации права, результату воплощения норм права в общественных отношениях. Как уже отмечалось, несмотря на то, что Руководящие начала по уголовному праву РСФСР призваны были зафиксировать основополагающие положения уголовного права, в них можно обнаружить некоторые нормы конституционно-правового значения и уголовно-процессуального характера. Так, в ст. 4 отмечается, что советское уголовное право в РСФСР осуществляется органами советского правосудия (народным судом и революционным трибуналом). Это же относится к ст. 1, дающей определение понятию «право», а также к введению.

Принцип презумпции невиновности на сегодняшний день мы воспринимаем как состоящий из двух основных элементов, отраженных в современной Конституции РФ 1993 г., в ст. 49. Во-первых, каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. А во-вторых, обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, неустрашимые же сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого.

В Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. мы не обнаружим прямых норм, закрепляющих уголовно-процессуальный принцип презумпции невиновности, однако из смысла ряда норм мы можем сделать вывод об отношении к этому принципу пришедших к власти лиц, правоведов и законодателей, лояльных по отношению к новому государственному строю. Классовый характер права, в том числе уголовного права, в целом не вызывает никаких сомнений. Несмотря на то, что автор норм прямо признавал в ст. 10 уклад общественных отношений в качестве главного фактора, порождающего преступления, значимость личности преступника подчеркивалась неоднократно. Так, в ст. 11 отмечается необходимость оценки судом личности преступника, которая отразилась на деянии, в мотивах, а также образа жизни и прошлого преступника.

В ст. 12 определение меры наказания ставится в зависимость от многих обстоятельств. Обращает на себя внимание тот факт, что обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, располагаются здесь хаотично. Законодатель ограничивается просто указанием того, на что следует обратить внимание суду. Среди данных обстоятельств можно обозначить важность принадлежности лица, совершившего преступление, к имущему или неимущему классу (названа в числе первых). Кроме того, различаются цели совершения деяния: либо это цель восстановления, сохранения или приобретения какой-либо привилегии, связанной с правом собственности (это, видимо, для имущих, буржуазии и помещиков), либо цель преодоления состояния голода или нужды неимущими. Такое разграничение ясно дает понять, что с точки зрения идеи революционной законности и целесообразности, а также подхода к определению нового права, направленного на защиту трудящихся, неимущие будут иметь приоритет, мера наказания для них предполагается более щадящая. А принадлежность к классу неимущих сразу обуславливает наличие у них при совершении преступления цели побороть голод и нужду. При этом абсолютно не предполагается законодателем, что представители имущего класса при определенных условиях также могут оказаться в состоянии голода и нужды.

Кроме того, очередность перечисления в одном пункте сначала имущих, а потом неимущих позволяет провести аналогию с последующими обстоятельствами, когда соблюдается следующий порядок: совершение рецидивистом или первично; совершение группой, бандой или одним лицом; совершение деяния с насилием или без него и т. д. Это позволяет сделать вывод, что первое из обстоятельств отягчает наказание, а второе – смягчает. А значит, даже сама принадлежность к имущему классу предполагает более тяжкое наказание. Вместе с тем указание хоть и через точку с запятой на цель для имущих, наводит на мысль, что преступление имущих могло быть направлено исключительно на указанную цель, связанную с правом собственности, либо согласно пункту «б» на восстановление власти угнетающего класса.

Отсутствие упоминания вины как обязательного элемента состава преступления также позволяет сделать вывод о том, что принадлежность к имущему, угнетающему классу при оценивании судом деяния уже было достаточным фактором для предположения о виновности лица. Кроме того, красной нитью сквозь рассматриваемый акт проходит указание на оценивание судом не столько совершенного деяния, сколько степени и характера (свойства) опасности для общества самого преступника (ст. 11). Это в очередной раз подчеркивает значимость принадлежности преступника к тому или иному классу.

Отсутствие указания на противоправность как обязательный признак преступления, обусловленный действием принципа революционной законности и целесообразности, опирающихся на революционное правосознание, наделяет право неопределенностью, создает возможность максимально широкого усмотрения для правоприменителя. Так, в акте говорится о нарушении порядка общественных отношений (ст. 5), об опасности для данной системы общественных отношений (ст. 6), о нарушении основ общественной безопасности (ст. 11), об опасности для общества (ст. 11, ст. 26). Продолжая идеи революционной законности, в ст. 10 нормотворческий орган подчеркивает необходимость целесообразности наказания, а вовсе не соразмерности наказания совершенному деянию. И невозможно не сказать о правовом положении, которое предусматривает возможность освобождения от наказания. Так, ст. 16 закрепляет такое последствие в случае исчезновения условий, в которых деяние либо лицо, его совершившее, представлялись опасными для нового строя. П.И. Стучка, верный классовому подходу в праве, подписал дополнение к Декрету о суде № 1 1917 г. – «Руководство для устройства революционных трибуналов», закрепляющее свободу революционных трибуналов в выборе средств и мер борьбы с нарушителями революционного порядка.

Стремление не только правотворческих, но и правоприменительных органов идти на поводу велений времени, под воздействием побеждающей идеологии, в условиях перехода от беспорядка к порядку, под влиянием давления общественности (более сильной и мощной на конкретном историческом этапе социальной группы) отмечается во многих странах на протяжении истории развития государства и права. На это указывал и Р. Паунд, приводя в пример ситуацию в Кливленде в 1919 г., когда после многочисленных публикаций в прессе о якобы резком повышении уровня преступности, было допущено значительное число судебных ошибок, связанных с назначением несоизмеримых наказаний, обусловленных целью успокоения общественного мнения [7]. Отмеченные нормы не содержат в себе прямого закрепления принципа презумпции виновности или невиновности, однако действующие в этот период времени принципы революционной законности и целесообразности, а также целый ряд норм, ориентирующий суд на личность преступника в смысле принадлежности его к классу имущих или неимущих, к классу угнетающих и трудящихся, позволяет сделать вывод о том, что законодатель и правоприменитель презюмировали виновность имущих и угнетающих как опасных для построения нового общественного порядка в той же степени, в которой предполагали невиновность неимущих и трудящихся, предусматривая не только возможность смягчения им наказания, но и полного освобождения от него.

Таким образом, Руководящие начала по уголовному праву 1919 г., по сути, закрепили фундаментальные положения нового государственно-правового строя, в котором базовыми принципами правовой системы стали принцип революционной законности и связанный с ним принцип презумпции виновности имущих и невиновности неимущих, как социальной основы нового государства. В то же время заслугой разработчиков Руководящих начал по уголовному праву 1919 г., несомненно, является формализация идеи о том, что преступник – это порождение общества, преступление – это прежде всего социальное явление, причины которого коренятся в обществе. Тенденция обратить внимание на социальные факторы преступности стала попыткой развития социологического подхода к праву, который выступил доктринальной основой революционного законодательства.

Ссылки:

1. Pound R. Social Control through Law. New Haven, 1942. 138 p.
2. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР. 12 декабря 1919 года // Хрестоматия по истории отечественного государства и права. 1917–1991 гг. М., 1997. С. 63–68.
3. Стучка П.И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964. 748 с.
4. Козловский М.Ю. Пролетарская революция и уголовное право // Пролетарская революция и право. 1918. № 1. С. 21–28.
5. Там же.
6. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР. 12 декабря 1919 года...
7. Pound R., Frankfurter F. Criminal Justice in Cleveland. Cleveland, 1922. P. 546.

Редактор: Мамлиева Лилия Нурихановна
Переводчик: Бирюкова Полина Сергеевна